

Пирс Марели

Ган Льюис Чердак

Ган Льюис Чердак Пирс Марели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73173803

SelfPub; 2026

Аннотация

Шон Марели – воплощённый идеал. Его мир – это зеркало, отражающее только его совершенство: могучие плечи, золотые волосы, покорная природа и восхищённые взгляды. Он – Аполлон на вспаханном поле, бог в собственном царстве. Но однажды на лесной тропинке появляется Фрейя – женщина, чей взгляд не видит в нём бога. Её равнодушие становится трещиной в идеальном зеркале его жизни. Отвергнутый, опустошённый, Шон отправляется к старому пирсу, уходящему в тёмное море. Там, на краю, где кончаются иллюзии, он впервые видит мир без своего отражения – бескрайний, дышащий, неидеальный. И в этой бездне рождается новый человек – не бог, не идеал, а просто человек, готовый жить без зеркал.

Ган Льюис Чердак

Пирс Марели

Пирс Марели

Глава 1: Аполлон на вспаханном поле

Золотой час опускался на шведскую деревню, как медленный, густой сироп, заливая всё вокруг светом тёплым и плотным, словно растопленное масло. Воздух висел неподвижно, тяжёлый от запахов прожитого дня: сладковатой пыльцы клевера, горьковатой смолы, сочащейся из сосновых брёвен, и сухого, доброго зноя от нагретой за день земли. В этом застывшем янтаре времени двигался только он.

Шон Марели рубил дрова.

И это было не рубкой. Это был ритуал, танец, абсолютное выражение воли в движении. Топор в его руках был не инструментом, а продолжением мышц и костей, идеальной дугой, рассекающей воздух с коротким, влажным свистом. Удар – чёткий, глухой, без единого лишнего колебания. Полено раскалывалось пополам с удовлетворяющим щелчком, две идеальные половины падали к подножью колоды. Мускулы на его спине и плечах играли под кожей, залитой золотом заката, не как у грубого работяги, а как у атлета с фрески в Помпеях: каждая группа, каждый рельеф – часть скульптуры, выточенной самим мирозданием в момент своей наи-

высшей щедрости. Длинные, белокурые волосы, цвета спелой пшеницы, сливались с лучами солнца, прилипая к влажному затылку и снова слетая на широкий лоб при каждом взмахе.

Он не чувствовал усталости. Он чувствовал лишь пульсацию жизни в своих жилах, ровную и мощную, как прибой. Его мир был прост, ясен и прекрасно устроен. Взорванный пень подчинялся ему. Гора аккуратных, ровных поленьев росла по его велению. Даже комары, казалось, облетали его, признавая чужеродность его совершенства для их маленького, хаотичного мира.

По дороге, пыльной и раскалённой, медленно проходили девушки из деревни. Их смех, весёлый и переливчатый, затихал, когда они поравнялись с его участком. Шон не оборачивался. Он знал, что они смотрят. Он чувствовал их взгляды на своей коже – как лёгкие, щекотящие прикосновения солнечных зайчиков. Это было законно. Это было частью порядка вещей. Солнце светит, трава растёт, девушки восхищаются Шоном Марели. Так было всегда.

Он перешёл к полю. Рядом, на вспаханной черной земле, уже лежала коса, её лезвие поблёскивало последним алым отблеском. Он взял её, и снова тело включилось в безупречный механизм. Широкие, размашистые движения. Сочный шелест падающей травы. Запах – свежий, зелёный, пьянящий – ударил в ноздри. Он пахал, косил, рубил не для урожая или тепла. Он делал это, потому что мог. Потому что в

этом была красота эффективности, победа формы над материей, его воли – над инерцией мира.

Внутри него не звучало слов. Там царило огромное, безмолвное, солнечное самодовольствие. Мир был не соучастником, не родиной. Он был продолжением его собственного тела, огромным, послушным зеркалом. В озере он видел своё отражение – ясный взгляд, квадратный подбородок, гордый постав головы. В глазах людей – немое обожание или почтительную зависть. В податливой земле – след своих усилий. Всё вокруг лишь подтверждало одну простую, как удар топора, истину: он был центром. Он был мерой. Он был идеалом, который мир, наконец, сумел воплотить, и теперь с благодарностью демонстрировал самому себе.

Последний удар. Последний сноп травы лег ровным валом. Шон воткнул топор в колоду, выпрямился, положив ладони на поясницу. Сумерки набирали силу, золото сменялось медью, медь – багрянцем. Где-то далеко, с озера, донёлся радостный, нечленораздельный крик – дети купались. Он улыбнулся про себя, снисходительно. Их радость была простой, как у щенков. Его удовлетворение было глубоким, философским, заслуженным.

Он провёл рукой по лбу, смахивая несуществующую каплю. День был завершён. Совершенный день совершенного человека. Он взглянул на свои владения: ухоженный дом, ровные поля, стопка безупречных дров. Всё было правильно. Всё было на своих местах.

И тогда, с края поля, у подножия холма, поросшего соснами, он увидел движение.

Сначала это была лишь тень, отслоившаяся от вечерней синевы леса. Потом – силуэт. А потом – она вышла на тропинку, ведущую к деревне, и последний луч солнца, пробившийся сквозь чащу, ударил ей в волосы.

Шон замер. Его мир, только что такой цельный и звонкий, как колокол, вдруг издал тихий, незнакомый звук – трещину.

Глава 2: Отражение в лесной воде

Идеальный ритм дня оборвался. Ладонь, поднесённая ко лбу, чтобы стереть пот, так и застыла в воздухе. Шон выпрямился, и спина, обычно гибко распрямляющаяся после труда, на этот раз сделала это резко, почти судорожно.

Она вышла из леса, как тишина выходит из гула. Не нарушая покой, а наполняя его иным качеством. Тропинка, петлявшая от озера, была тёмной и влажной от тени, и она казалась её продолжением – тенью, обретшей форму.

Сначала он увидел волосы. Они не были ни золотыми, как его собственные, ни огненными. Это был цвет тёмного мёда, старого дерева, влажной земли после дождя. Мокрые, они не блестели, как его кожа на солнце, а впитывали угасающий свет, превращая его в глухое, бархатное сияние. Несколько тёмных прядей прилипли к щеке и длинной, прямой шее.

Она была стройной, но не его скульптурной стройностью. Её стройность была гибкостью молодого деревца, выросшего

в тесноте леса – не идеальной, но живой, приспособленной. Простое платье из небелёного льна несло на себе отпечатки пути: мелкие семена репейника у подола, бледный налёт пыли на коленях. Она шла босиком, и он увидел, как травинка, тёмно-зелёная и сочная, прилипла к её подъёму, чуть выше свода стопы.

Но главным были не волосы и не платье. Главным был её взгляд. Она заметила его. Остановилась на мгновение, повернув голову. Её глаза были цвета, который он не смог бы назвать – серо-зелёные, как вода в лесном озере, где отражаются и ели, и небо. В них не было ни восхищения, ни робости, ни даже простого интереса. Был лишь спокойный, изучающий взгляд, будто она рассматривала не мужчину, а редкий вид гриба или незнакомое растение. Она смотрела *на него*, но не видела в нём того, что видели все. Она видела просто *наличие*. И это было оглушительно.

И запах. Через тёплую, сладкую пелену пыльцы, смолы и собственного пота к нему донёсся иной аромат. Запах глубины. Сырых камней, замшелых у берега. Чистой, холодной воды, в которой тают отражения. Свободной, дикой влаги, не знающей воли человека.

Он не влюбился. Любовь – это чувство, а чувства были частью его отлаженной системы. Это было иное. Столкновение с феноменом, для которого в его душе не было готовой полки, ящика, названия. Его ум, всегда быстрый и категоричный, молчал. Внутри его идеально откалиброванного мира

возник посторонний ритм. Тихий, настойчивый, идущий не от его собственного пульса, а от капли, которая отделилась с её мокрой пряди и упала ей на обнажённое плечо. Капля медленно покатилаь вниз, оставляя на коже влажный, сияющий след. Он проследил за ней взглядом, замороженный этим простым, бессмысленным движением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.